

ЛЮБОВЬ ПОД АБАЖУРОМ

1

На нашем курсе было шесть «матерей». В университет их зачислили с рабфака без вступительных экзаменов. На лекциях они сидели сплоченной группой в конце аудитории, по факультетским коридорам передвигались по двое, по трое, на переменах дружно курили на лестничных клетках. Рвения к учебе не проявляли, изощренно шпорили на экзаменах. Габаритами они тоже отличались от нас — вчерашних десятиклассников. Плечистые, широкие в бедрах, косматые (в конце восьмидесятых модно было ходить с небрежным «взрывом» на голове), они посматривали на сокурсников свысока, возмнив себя безоговорочными лидерами филфака.

Жили «матери» так же кучно, как и сидели на занятиях: занимали две комнаты в общежитии по соседству с факультетом. Возглавляла рабфаковский «коллектив» вездесущая Неделюк. Она быстро выбилась в старосты курса, все обо всех знала, а если не знала, то придумывала для преподавателей невероятные истории о прогульщиках, в которые ученые мужи охотно верили. Фантазией она обладала неумейной, была остра и резка на язык.

Неделюк всегда сопровождала застенчивая Люда Воронкова. Баскетбольного роста, худая, плоскогрудая Люда максимум тянула на третьекурсницу, в компании ворчливых «мамаш» выглядела откровенной малолеткой.

Воронкова превосходила «матерей» не только ростом, но и умом. Ее познания в языках, особенно латинском, нещадно эксплуатировались обособленным дамским контингентом. На немецком Люда тоже охотно раздавала консультации соседкам. На самостоятельных и контрольных в душных аудиториях щеки ее покрывались горячим румянцем. Она работала сразу на нескольких человек. На переменах жадно курила, делая частые, мелкие затяжки, и напряженно улыбалась, словно витала еще в заоблачных лингвистических высях. В окружении воспитанниц рабфака она оставалась на удивление совестливой. Списывать на экзаменах, засунув шпаргалку под резинку чулка, было не в ее правилах. К литературе Люда интереса не проявляла. Она без труда отличала ямб от хорея, порой цитировала Вергилия, но глубоких мыслей по поводу прочитанных книг, коими блистали отличники с первых рядов, не имела.

— Ей надо было идти на точные науки, — однажды сказала мне Неделюк, получив «четыре» по старославянскому не без помощи Люды. — С другой стороны, как бы мы без нее учились?

В маленькой «материнской» комнате на четвертом этаже панельного общежития всегда было чисто, по-домашнему уютно. В центре студенческой обители стоял круглый стол под клеенчатой скатертью. Под столом, прикрывая дощатый облупленный пол, лежал выгоревший ковер с бахромчатой грязно-серой оборкой. На комод, на кружевной салфетке, потрескивая, вещал радиоприемник ВЭФ. За ним, на полке у стены, завешенной мешковатым покрывалом, в хаотичном порядке хранилось разноцветное содержимое дамской косметички. Но главное, над столом, в опасной близости от голов, висел ярко-красный матерчатый абажур, склеенный в местах разрыва коричневым скотчем.

Вечерами в эту комнатку набивалось человек десять-пятнадцать. Приходили студенты с нижних этажей и из ближнего общежития. Общество было преимущественно женским.

Как-то после одного такого заседания под абажуром Неделюк посетовала на нехватку мужчин в их тесной компании. Я понял ее намек и задумался, кого бы заслать к ним в гости, помня про «почтенный» возраст подруг и крутой нрав старосты курса.

Подходящий вариант у меня все же нашелся. В те годы я общался с Матвеем. В народе его звали Фомой. Помешанный на заумных текстах Гребенщикова, он всегда ходил с флейтой и гармошкой. Таскал их в собственноручно сшитом вещевом мешке. Тогда я тоже был «повернут» на «Аквариуме». На почве этой «болезни» мы и сошлись.

Фома учился в Институте рыбной промышленности и хозяйства. Был жаден до общения. Пребывал в перманентном состоянии духовного единства с окружающими. Мог ненароком обнять бомжеватого прохожего и в сердцах бросить ему: «Брат! Дык елы-палы!» С дамами он предпочитал игривый стиль общения, бравировал цитатами из Хармса. Близко к тексту пересказывал «Вываливающихся старух», чем вызывал у слабого пола длительные приступы спазматического хохота. «Броневойным оружием» Фомы был Хтей. С ним он и пожаловал в комнату под абажуром.

Хтей работал оформителем в драматическом театре. Изготавливал декорации, расписывал сценические панно. Иногда проводил нас без билета на премьеры. Я посмотрел несколько постановок и понял, что в скором будущем любовь к театру мне не грозит.

Тогда мы слушали рок и упивались свободой самовыражения. В одночасье мир вокруг нас оказался удивительно многообразным. Мы «разбирали» его по слоям, проникая в гущу непонятной начинки, докапываясь до самых глубин, в которых в свободном доступе, как на библиотечной полке, маячили произведения теперь уже разрешенных писателей, художников, музыкантов. Нужно было только дотянуться до их творений.

Хтей выражал себя в акварели. Точной, крепкой рукой в мельчайших деталях он выводил своих героев на маленьких листах альбомной бумаги. В каллиграфических миниатюрах завсегдатаям комнаты номер сорок три он явил доисторических птиц, экзотических рыб, подводных каракатицких существ в панцирях с отгисками большого пальца, что добавляло правдоподобия обитателям морских бездн. Создавал он и тонкие человеческие образы: хитрый псарь, веселый пастух, мечтающий о славе скрипач...

Обычно Хтей сидел за столом, попивая жидкий чай, а перед ним лежала стопка рисунков. Будто карты он раздавал нам миниатюры, сопровождая быстрые действия причудливыми смешками. Рисунки он клал лицевой стороной на скатерть, а взявший «карту» должен был перевернуть ее и придумать название миниатюре. Я

тоже участвовал в этой забаве, но несколько отстраненно. Мне нравилось наблюдать за тем, как творческий процесс охватывал ленивую поначалу аудиторию, которая в умственном состязании постепенно возвышалась до поэтических образов, а к концу карточного сеанса скатывалась к дешевым коридорным пошлостям.

Хтей спокойно относился к противоречивой оценке своего таланта. Он смотрел в стол и мелко, как бы про себя, посмеивался, периодически поглядывая на скромную Наташу с романо-германского отделения. С ней у него вскоре завязались отношения. Хтей зачастил в общежитие. Появлялся в угловой комнате не только вечером, но и днем. Да еще со своим знакомым Чадиным.

В отличие от Хтея Чадин был серьезным, задумчивым интеллигентом. (Впоследствии он стал довольно известным в городе культурологом, автором нескольких познавательных книг и гуманитарных проектов.) Но той теплой весной глобальные идеи только зарождались в его светлой голове наряду с нежными чувствами к подруге Наташи — Ольге.

К концу сессии отношения этой четверки вырвались за пределы общежитской комнаты.

Ко мне судьба тоже проявила благосклонность. Я перевелся в Санкт-Петербургский университет на факультет журналистики. Через год ко мне приехал Фома. Увлеченный свежими веяниями в музыке и искусстве, художествами и сленгом Митьков, он давно мечтал погрузиться в колоритную атмосферу Петербурга. А тут еще кстати в здании Двенадцати коллегий намечался бесплатный акустический концерт Гребенщикова, в ту пору окрашенного в белый цвет и походившего на Дэвида Боуи. Вместе со мной Фома проник на концерт в актовом зале, перевоплотившись в студента Санкт-Петербургского университета. После выступления божества, остыв от восторженных эмоций, он между делом сказал, что недавно побывал на двух свадьбах, и это благодаря мне.

Сначала на Наташе женился Хтей, а следом, преодолев психологические барьеры, Чадин сделал предложение Ольге. Долго она не думала.

— Старик, ты отлично умеешь создавать семьи, — посмеивался надо мной Фома. — Тебе пора открывать брачное агентство. Журналистика когда-нибудь отомрет, а институт семьи вечен. Тут есть над чем поработать.

— Интересная мысль, — улыбнулся я в ответ. — А ты там никого себе не присмотрел?

— Где?

— В комнате под абажуром.

— Нет, — категорически махнул рукой Фома. — «Матери» не для меня.

— А Люда? Умная и очень даже ничего, — скромно поинтересовался я.

— Она симпатичная. — Фома остановился. — Ты знаешь, какой у нее рост?

— Сто восемьдесят пять, — сымпровизировал я.

— Сто восемьдесят девять, — уточнил он. — Я — пигмей, а она — дылда. С таким ростом ей еще долго маяться на пару с безнадежной Неделюк.

Воодушевленный встречей с Гребенщиковым, Фома улетел в Калининград. Я же был приятно удивлен тем, что, сам того не подозревая, принял негласное участие в основании двух брачных союзов.

Университет я окончил в девяносто третьем. С пятого курса за мной уже числилось место в «Вечернем Петербурге». Я сотрудничал с отделом информации. Постепенно сходилась с коллективом редакции, регулярно публиковал статьи и заметки. После окончания университета я собирался продолжить работу в «Вечерке» штатным сотрудником, но планы мои изменились после того, как мне предложили поехать на полгода в Германию и поучить немецкий в Гамбургском университете, да еще за счет спонсоров.

В начале девяностых Западом «болели» многие. Знакомые и студенты из моего окружения придумывали всевозможные трюки, чтобы рвануть в Европу. Некоторым удавалось заключать фиктивные браки с возрастными иностранками. Двое художников с Невского уехали на лето в Италию в молодежный лагерь и не вернулись, третий — осел в горном шале у подножия швейцарских Альп, найдя в лесистой местности чудную поклонницу своих пейзажей.

Тогда было много подобных историй. Я не собирался следовать примеру знакомых. Мне хотелось посмотреть, как там живут.

С одной стороны, желание, как и решение, вполне объяснимое, с другой — опрометчивое, если учесть, что места в «Вечерке» после долгого отсутствия мне никто не гарантировал. Понимая это, в редакции я больше не появился.

В Гамбург я поехал автобусом из Калининграда. Перед отъездом навестил родителей, встретился с Фомой. Хтея увидеть не удалось. Он продолжал работать в театре. Создавал первые арт-объекты из янтаря, а вечерами вступал в роль молодого отца. У него родился глазастый улыбчивый малыш с вьющимися поэтичными бакенбардами. Сына назвали Кимом. Фотографию младенца мне показал Фома. Чадин потомством пока не обзавелся, а Люда и Неделюк так и не вышли замуж.

Подруги переехали в другое общежитие. Без приглашения я заглянул к ним в гости. Меня встретили приветливо, как старого знакомого. Нынешнее жилище молодых учителей было еще меньше студенческого. В центре комнаты по старой традиции стоял обеденный стол, застеленный белой клеенкой. С потолка свисал тот же красный абажур. Его ветхая ткань, кое-где прошитая нитками, пестрела росписями тех, кому в лихие студенческие годы довелось под ним выпить не один стакан горячительных напитков.

Заметив, что я разглядываю размашистые художества дипломированных филологов, Люда протянула мне черный фломастер:

— Распишись!

Я поставил краткую подпись на качнувшемся абажуре рядом с замысловатым иероглифом Хтея.

— Это он придумал?

— А кто же...

Люда внимательно смотрела на меня из-за абажура.

— Ты вообще не изменился. Все такой же гордый и интересный. — Она достала из серванта бутылку красного вина. — Значит, в Германию?

— Ага, — кивнул я в сторону воображаемого Запада. — Немецкий учить.

Тут в разговор вступила Неделюк. Она лежала с температурой под двумя одеялами.

— Саша, привези Люсе немца!

Староста поправила очки и окинула меня критическим взглядом, будто пыталась понять, способен ли я выполнить ее поручение.

— Город кишит туристами, а мы снова паримся в общаге!

Неделюк хлебнула вина.

— По-твоему, немец — банка пива? Вот так просто взять его и привезти? — осадила подругу Люда.

— Может, вам проще здесь познакомиться? — спросил я неуверенно.

— Ну-ну, с ними у нас познакомишься, — перевернулась на бок Неделюк. — Она заметно поправилась за последние три года. — К ним не подступишься. Ходят группами в сопровождении гидов. Да и с кем знакомиться? Со стариками?

— Молодежь приезжает по обмену, — попытался я ее успокоить. — В конце концов есть Немецко-Русский дом.

Неделюк заворочалась, протерла платком очки и снова потянулась к бокалу.

— Саша, ну какая мы молодежь? — Она недовольно уставилась на Люду. — Молодежью мы были на первом курсе, да проболтали драгоценное время. Теперь вот расхлебываем... Привези немца, — приказным тоном напутствовала меня староста. — Можем дать фотографии.

Я ничего ей не обещал, но фотографии взял.

2

В лингвотеке Гамбургского университета меня встретили настороженным шепотом. Русские сюда еще не проникали. В статусе пришельца с недружественной планеты я просуществовал неделю. Потом со мной начали тихо разговаривать. Последней из преподавателей ко мне смилостивилась пожилая Гертрауде. К своему удивлению, она обнаружила, что я неопасен, общителен и весел.

Вслед за Гертрауде симпатией ко мне прониклась стайка американцев во главе с веснушчатой, похожей на медвежонка, Патрис. Видя, что я с трудом вхожу в их сумбурный групповой щебет, Патрис дала команду говорить со мной разборчивее. Сама же перешла к активной жестикуляции в кафетерии на большой перемене, пока не выбрала языком общения начальный немецкий.

Патрис была до назойливости болтливой и удивительно прожорливой. В обед она съедала по два больших йогурта. Сначала пробовала йогурт на кефире, а, распробовав, — картинно морщилась, обсасывая пластмассовую ложечку. После недолгих раздумий она быстро расправлялась с малокалорийным продуктом и придвигала к себе йогурт на сливках. Завершался полдник мощным американо с молоком и двумя бананами, которые быстро уничтожались под кофе.

В лингвотеку Патрис приходила с кипой американских газет. Читала она в основном последние полосы. Ее интересовали погода, светская хроника и спорт. Как и все американцы, она была не в меру шумной и беспардонной. По утрам на всю аудиторию от нее пахло зубной пастой и стиральными порошками.

В конце учебного курса Патрис устроила прощальную вечеринку. Она пригласила нас в дом своего немецкого друга и попросила, чтобы каждый пришел с каким-нибудь блюдом. Я принес пиццу, Моника приготовила спагетти, Ивона — бигос. На десерт Патрис подала мороженое с кусочками банана, посыпанное тертым шоколадом и политое вишневым вареньем.

Пришла в гости с виду горделивая Ив. Она ничего не приготовила. Зато охотно продемонстрировала голодной публике длинную черную юбку, купленную в Кении. Страстью Ив были автомобильные путешествия по Африке. Она побывала в нескольких национальных парках и следующим летом собиралась в тур по Танзании. В Гамбург Ив приехала к своему немецкому другу, который оплатил ей языковые курсы.

На вечеринке не было Мадины, перебравшейся в Германию из Ганы, и Наоми. Ее, по сведениям Патрис, не отпустил ревнивый муж-бизнесмен. Со своим женихом Наоми познакомилась на Филиппинах. От меня, кстати, она узнала, что в России говорят по-русски. Протяженность российских границ ее шокировала, а средняя температура января за Уралом повергала в ужас.

Наоми не ходила с нами в кафетерий. На перемене после первого часа она бегала в мини-маркет за сладостями. Мадина там же покупала йогурт, печенье и мороженое. На вопрос «Откуда ты приехала?» она мечтательно и хрипло отвечала: «*Ich komme aus Ghana!*»* Немецкие звуки давались ей с огромным трудом. Даже короткие фразы она рождала в муках, будто выталкивала изо рта тяжелые камни.

* *Ich komme aus Ghana.* — Я из Ганы (нем.).

«Ich komme aus Ghana-a-a»), — шептала она заученно и протяжно, раскачиваясь на стуле. В ее темных глазах то и дело вспыхивали огоньки ностальгии по жизни, проведенной под жарким африканским солнцем.

К Патрис я пришел с Райнером. Он состоял в «Союзе немецких студентов» — организации с вековыми традициями и разветвленной сетью филиалов по всей Германии и Австрии. В «Союз» вступали студенты из семей с достатком выше среднего и выходцы из дворянских сословий.

Предки Райнера фом Хофе были крупными землевладельцами в Восточной Пруссии. Его дед жил в родовом поместье на Мазурах около Алленштайна*. После войны эти земли отошли к Польше. Дед Райнера покинул усадьбу в сорок четвертом и обосновался в Баварии. Родители фом Хофе продолжили семейное дело. Отец Райнера возглавлял концерн по переработке сельскохозяйственной продукции, производству комбикормов и удобрений.

Всю вечеринку Райнер сидел с кислой миной, изредка улыбаясь в ответ на байки Ив об автогонках по саванне в окружении носорогов. Масштаб торжества был явно не его. Вместе с приятелем Патрис он нажимал на шнапс и бигос, который высоко оценил. Как и большинство немецких студентов, он любил хорошо поесть и выпить. К приезжим относился с легким пренебрежением, но до оскорблений и дешевых издевок не опускался. Особый жизненный уровень Райнера подчеркивали запредельно дорогие часы и белая, идеально выглаженная рубашка с чистым, сияющим белизной воротником.

С Райнером я познакомился в небольшом арабском кафе у лингвотеки. Я уминал «карривурст» и листал учебник немецкого, когда меня аккуратно похлопали по плечу. Я отвлекся от сосиски: передо мной стоял симпатичный молодой человек. «Давно хочу завести дружбу с русским», — заинтересованно сказал он и представился.

Мы разговорились. Райнер отнесся ко мне без шаблонных предубеждений. Рассказал о печальной истории деда, потерявшего родину и землевладения. Он четко понимал, по чьей вине на долю его семейства выпало столько лишений. После окончания университета Райнер собирался поехать в Польшу с родителями, которые два года назад нашли отцовский дом и даже в нем ночевали. Усадьбу у озера предприимчивые поляки превратили в отель.

В десятом часу вечера наша компания распрощалась с Патрис и Хубертом.

— Американцы — скучные люди, — сказал Райнер, садясь в такси. — Еще нет и десяти, а мы едем домой. Они совершенно не умеют развлекаться. Им нравится, когда их развлекают. После они долго об этом рассказывают. Вот эта девица в африканской юбке... Как ее?..

— Ив, — напомнил я.

Райнер зевнул и поежился на переднем сиденье.

— Немецкий она решила слегка поучить из разнообразия. Со своим велико-возрастным другом она тоже общается из разнообразия. Вот посмотришь, скоро к тебе придет длинное, нудное письмо о том, как ей замечательно жилось в Гамбурге.

Ив действительно написала мне письмо. Спустя полгода после окончания курсов я получил от нее послание на шести листах зеленой бумаги, пропахшей терпкими духами. Это был детальный, приправленный натуралистическими подробностями рассказ о ее похождениях по топам Амазонки.

Вместе со мной Райнер вышел из машины. У подъезда сказал:

— В субботу разведемся как следует. Учебный процесс утомляет. Заодно познакомлю тебя со своим другом. Его дед был крупным торговцем в Данциге**. Ты ведь поедешь с нами в Сан-Паули?

* Алленштайн — г. Ольштын с 1946 г., Польша.

** Данциг — г. Гданьск с 1946 г., Польша.

Я кивнул.

— Отлично, — стиснул мне руку Райнер. — Гамбург — удивительный город. В нем компактно соседствуют роскошь и нищета, милосердие и снобизм богачей.

— Разврат и культура, — добавил я.

— Вот именно, друг мой! Ты все правильно понимаешь.

В субботу около полуночи мы отправились в Сан-Паули. Нас вынесло из вагона подземки, наполненного пестрым ночным людом, и мы смешались с толпой, хлынувшей на Репербан. Народу было так много, что все это плотное гудящее шествие напоминало исход болельщиков со стадиона после футбольного матча.

Пахло жареным мясом и специями. Из открытых окон быстро глазели потные арабские лица, а за ними суматошные подмастерья в белых халатах длинными ножами срезали с вертелов запекшееся мясо. Отовсюду сыпались пятнистые бомбы витринного света. Вывески баров и эротических шоу поражали масштабом и резким, ядовитым буйством неона.

В какофонии звуков и световых перестрелках, погружаясь во тьму и всплывая на свет, плыла и колыхалась людская толпа. У каждого здесь была своя цель, была нужда и была надежда. Респектабельный, зажиточный Гамбург, живущий по строгим законам, остался где-то далеко, возможно, в моем воображении. Здесь царили другие законы и нам предстояло решать — следовать им или нет.

По мере погружения в развлекательные кварталы я понял, что наша троица явилась на Репербан в качестве любопытных созерцателей человеческого безумия. Самым консервативным из нас оказался Луц. Он вообще производил впечатление странного, заучившегося студента, для которого выход в Сан-Паули в компании сверстников, страждущих пикантных зрелищ, обернулся серьезным насилием над собственной личностью, устремленной к вершинам науки.

Они были абсолютно разные: аристократичный, подтянутый, готовый к любым приключениям Райнер и нескладный (под два метра роста), практически лысый к тридцати годам, длиннолицый, губастый, в маленьких круглых очках Луц. Луц Домбровски, чьи родовые корни терялись в вольном ганзейском городе Данциге.

Мы остановились у забора, как попало заклеенного рекламными плакатами. Пока Луц решался перейти через «запретную черту», Райнер просочился в расщелину между пролетами забора. Я последовал за ним. Там, на узкой улице, в искусно освещенных витринах первых этажей, как в вольерах, прохаживались полубогаженные проститутки. Все они заученно преподносили себя: некоторые почитывали журналы, кто-то натирал загорелые ноги кремом, а кто-то делал вид, что не замечает зевак с отвисшими от удивления челюстями. Были тут и бывалые дамы в деловых костюмах. Некоторые витрины пустовали.

Как заведенные, мы крутили головами налево и направо. Луц неожиданно сделал несколько оборотов вокруг своей оси, панорамным взглядом окинув соблазнительные женские тела, которых, как по заказу, становилось все больше и больше.

— Согласитесь, все-таки неприятно, — сказал Райнер, не отводя глаз от маленькой, похожей на куклу, азиатки, — иметь дело с женщиной, измученной за день десятком мужчин.

Воспитание и откровенная самовлюбленность не позволяли ему снизойти до услуг асоциальных незнакомок, но поглазеть на женский зверинец в разноцветных лучах прожекторов он был не прочь.

— Это не только неприятно, но и опасно, — заметил Луц и прокашлялся в кулак. — Для чего нам тогда семья?

— Вот когда в семье не все в порядке, мужчина идет сюда, — вразумил друга Райнер.

Тут, как будто в подтверждение его слов, из толпы выделился неприглядный тип в шляпе, сдвинутой на глаза. Он откликнулся на приглашение дамы в розовом купальнике, поманившей его длинным пальцем под оранжевым маникюром.

— *Ich komme, mein Schatz**, — кричал мужчина, поднимаясь по ступенькам, застеленным красной ковровой дорожкой. — *Ich komme gleich***.

Мы переглянулись. Луц сморкнулся в бумажный платок.

— Нам, кажется, пора перекусить, — верно предположил Райнер.

— Давно пора, — подтвердил Луц, увлекая нас к выходу в город.

В деревянном баре, затерянном в прилегающих к Репербану улочках, мы очутились глубокой ночью. В меню преобладали напитки, в основном крепкие. Из небогатого выбора еды спросом пользовались гамбургеры, чипсы, картофель фри и сосиски с горчицей. Мы взяли по бутылке «Хольстена» и большую тарелку чипсов — слабое утешение для трех пустых желудков. Вокруг было жутко тесно и неудобно. За нами шла нескончаемая шумная возня. Кто-то настойчиво терся о мою спину. Пару раз чей-то локоть врезался в руку Луца, и пенный фонтан из его бутылки обдал хмельным ароматом мою куртку, а брызги пива из бутылки Райнера угодили в тарелку с острыми чипсами.

Я не сразу понял, что шуршали в толпе девицы в белых растянутых майках, надетых на голые тела. Они норовили влезть грудью туда, где вряд ли можно было протиснуться боком. Некоторые из них ловко запрыгивали на столы и застывали в мечтательных пляжных позах, глядя в потолок, на котором как бы подразумевалось яркое солнце, а на самом деле на сетке, натянутой над головами по периметру зала, как мусор валялись банкноты африканских государств, обесцененные гиперинфляцией.

Райнер заказал два шнапса, Луцу взял еще пиво. Напитки нам доставили быстро. Полная азиатка, пронесшая над собой поднос на вытянутой руке, задержалась у нашего стола, несмотря на то что Райнер тактично попросил ее удалиться. Она пыталась что-то объяснить нам на непонятном стрекочущем языке, но мы, занятые беседой и чипсами, не слушали официантку и изредка поглядывали на ее внушительные округлости, прижатые к краю столешницы. Вдруг она запустила руки под оборчатый вырез майки и выложила на стол большие темные груди. Следом бросила на стол смятую десятимарочную бумажку. Так она оценила свой смелый поступок.

Возникла непредвиденная пауза. Первым действия возобновил Райнер. Он выпил шнапс, за ним я опрокинул рюмку, а Луц, глянув на нас, с усилием проглотил застрявшие в горле чипсы. С невозмутимым видом Райнер положил возле увесистого бюста двухмарочную монету. Девица громко выругалась, но деньги взяла.

— Незнание английского языка мешает им зарабатывать деньги, — сказал уверенно Райнер. — Наверняка они работают нелегально. Да и собрали здесь непонятно кого. Страшные лица, кошмарные фигуры.

— Хотите увидеть красивое лицо?

Не дожидаясь ответа, я достал из внутреннего кармана паспорт и из-под обложки извлек фотографию Люды. Снимок был сделан в общежитии. Люда сидела за столом под «расписным» красным абажуром и сосредоточенно смотрела в окно, мечтая о долгожданном «заморском принце».

— Ого! Вот это лицо! — Райнер мгновенно оценил фото. — И кто сия прекрасная леди?

— Моя знакомая. Учились вместе в университете.

* *Ich komme, mein Schatz.* — *Иду, моя детка (нем.).*

** *Ich komme gleich.* — *Уже иду (нем.).*

— Твоя однокурсница? — Луц уставился на Людин фотопортрет и многозначительно поиграл складками на высоком белом лбу.

— Угадал. Она отлично знает немецкий. Без пары. Ждет встречи с серьезным немцем, — заинтриговал я Луца.

На этот раз он умно пошевелил редкими бровями. Люда ему явно понравилась.

— Да, я планирую посетить Калининград, — возможно, только что решил Луц. — Он положил перед собой фотографию и продолжал изучать женский задумчивый профиль. Обзорная прогулка по Репербану завершилась для него приятным сюрпризом.

— После окончания университета я буду работать в Польше, во Вроцлаве. Надо подумать, как оттуда до вас добраться.

— Ну это очень просто. От Вроцлава до Варшавы, а дальше напрямую автобусом, — успокоил я озадаченного коллегу и спрятал фотографию в надежное место.

Поручение Неделюк было выполнено. Легко и изящно, без видимых усилий. Кандидатура Луца являлась безупречной, но вполне подходящей. По росту и национальной принадлежности он соответствовал запросам подруг. Кроме того, он происходил из порядочной семьи. Внешностью, правда, природа его обделила, но по этому поводу он не комплексовал, а целью поставил побороть подростковую застенчивость.

Но главным достоинством Луца был гарантированный рабочий контракт. Найти работу с дипломом о высшем образовании мечтал в Германии каждый выпускник университета. Рассматривались любые варианты трудоустройства: в восточных землях, в совместных предприятиях на территории бывших государств соцлагеря, да где угодно.

Мы рассчитались с подобрешней официанткой, наградив ее скромными чаевыми, и вышли на улицу.

Ночная вакханалия продолжалась. Подогретая крепкими напитками, клокочущая толпа курсировала вдоль заведений, предлагающих невероятные развлечения. У подъездов стояли малолетки, приглашая в гости озабоченных смельчаков. Повсюду гремела танцевальная музыка. Я вяло реагировал на слепящие вспышки манящих вывесок. Едкая реальность постепенно ускользала от меня, прячась в туманной пелене засыпающего сознания.

Мы нырнули в грязное брюхо подземки. Перепившие и оглохшие обитатели Сан-Паули разъезжались по домам, бездомные отправлялись ночевать в укромные уличные места и на вокзалы. Рядом со мной на твердое сиденье приземлился волосатый дед, отдававший противоречивыми ароматами прожженной жизни. Он был доволен прожитым днем. В его мокром матерчатом рюкзаке позвякивали бутылки, собранные в окрестностях гульнувшего Репербана.

Поезд выбрался на поверхность. На Эльбе горели огни. Корабли издавали глухие, утробные звуки. Всеми силами я боролся со сном. Райнер молчал. Луц дремал, сложив на груди руки. В ту ночь сквозь меня прошли тысячи звуков. Я был просвечен рентгеном реклам.

Я сказал столько слов! Зачем? И теперь все, что я мог — бесцельно сидеть, идти, лежать, спать... Каналы восприятия закрылись. Репербан улетучился. И уже из дальнего прошлого ко мне явилась стройная девочка, одетая весьма условно. Мы встретили ее в одном из подземных гаражей, где вместо машин стояли ее напарницы, такие же молодые, такие же полуголые и дешевые. «Ну что же вы такие нерешительные? — спросила она, выйдя к нам из темноты. — Сюда приходят по делу».

На кровать я упал в одежде. Голова гудела. Легкое кружение в голове медленно вращало комнату. Поворот предметов против часовой стрелки свершался

беспрепятственно, можно сказать, плавно. Я постепенно сползал в ущелье сна, что в реальности приближало меня к краю кровати. Так я и заснул на животе, упершись рукой в паркетный пол, который утром пришлось отмывать тягучим моющим средством.

Через неделю я уехал в Калининград. В лингвотеке нашу группу одарили сертификатами об окончании курсов немецкого языка — уровень для начинающих. Это событие мы отметили скромным чаепитием в нашей аудитории. Пришли преподаватели. Гертрауде торжественно пожала мне руку и на английском с ужасом пересказала кадры расстрела танками Дома Советов, прокрученные в прайм-тайме по всем немецким новостным каналам.

— Что происходит в России? — недоумевала она, перейдя к цитатам из утренних газет. — Коммунисты снова рвутся к власти? Парламент распущен. Будьте там осторожней, мой друг!

Я возвращался домой, терзаемый одним лишь вопросом: что делать дальше? В азартном, беспринципном мире девяностых мне предстояло найти свое место.

3

С дипломом Санкт-Петербургского университета меня приняли в отдел информации центральной областной газеты. Журналистом я проработал три года. В редакцию то и дело приходили замордованные диким рынком горожане с мольбами решить их житейские проблемы, в области бушевали криминальные войны, работники социальной сферы не получали зарплаты, а мы дружно следовали трусливой политике главного редактора, рапортуя о мизерных успехах портовиков и освещая деловые встречи властей региона с иностранными делегациями, пачками привозившими специалистов по инвестициям в экономику области.

Зарплата молодого корреспондента была еще позорнее официальной линии газеты, а гонорары — смехотворными. Чтобы пойти вразрез с цензурой главреда, я начал писать художественные миниатюры о персонажах своего времени: учителях, торгующих на рынке турецким ширпотребом, офицерах, вынужденных таксовать по ночам, чтобы прокормить семью... Некоторые из этих миниатюр сложились в рассказы.

Луц приехал весной. Он действительно работал в Польше в крупной компании с немецким капиталом. Предприятие производило лифты для жилых домов.

Стояли солнечные майские дни. Люда ожидала приезда гостя в приподнятом, волнительном настроении. Выходные подруги посвятили уборке в комнате. Неделью вымыла окно. Люда надраила пол, пропылесосила ковер. На столе появилась новая скатерть. Из химчистки я привез два старых атласных покрывала. Винные пятна на них не вывелись. Это расстроило Недельку и раззадорило Люду. Вокруг стало свежо и чисто. Завелся дух новизны. И только полинявший бледно-красный абажур, испещренный автографами разбежавшихся по жизни филологов, был неподвластен спонтанным переменам в жизни подруг. Его покосившийся овал грузно свисал с бугристого потолка на тонком проводе, подсвечивая с высоты «прожитых лет» вазу с тюльпанами на круглом столе.

Завтра мне предстояло доставить Луца в общежитие. На этом моя добровольная миссия по привлечению потенциального жениха заканчивалась.

Накануне приезда «видной» персоны я допоздна задержался в редакции. Виной тому стала пыльная тяжелая штора, напоминавшая театральные занавесы. За шторой на журнальном столике возле раковины Карабанов хранил графин с огнеопасной

прозрачной жидкостью. Перед тем как перейти к рабочим вопросам, Алексей Геннадьевич тихо, почти шепотом, говорил:

— Александр, проследуйте в актовЫй зал!

В первые месяцы журналистской деятельности мне было неудобно и совестно начинать рабочий день в редакции не с кружки крепкого кофе. Однако по мере знакомства с сотрудниками газеты я убедился, что минимум пять мэтров местной словесности соблюдают по утрам тайный ритуал за портЬерой, считая его легкой разминкой перед погружением в творческий процесс. Мое посвящение в профессию проходило под чутким руководством Карабанова. Как выяснилось, стесняться традиций тут было не принято.

Вечером, когда Луц собирался в дорогу, рисуя в воображении заманчивые черты Люды, Карабанов проводил со мной поучительную беседу на тему «Основы журналистского мастерства». Сам он тяготел к крупным публицистическим жанрам. Писал очерки о капитанах дальнего плавания, земляках-космонавтах, заслуженных врачах, живописцах. Меня призывал покончить с мелкотемьем и найти своего героя. В помощь он выписал мне адреса известных в городе личностей и настойчиво просил встретиться с ними для подготовки серьезных материалов, которые по его плану должны были оформиться в книгу о тружениках края.

Я всячески противился воплощению этих замыслов. Меня больше интересовали социальные и экономические вопросы. Писать о закрывающихся предприятиях и челноках, оккупировавших российско-польскую границу, в газете никто не отваживался. Об этом, как и о свирепствующей цензуре в главном областном издании, я и сказал Карабанову.

— Ерунда, — обронил безучастно Алексей Геннадьевич, продолжая стучать по отполированным клавишам пишущей машинки. — Не теряйте времени, молодой человек, на бесполезную борьбу. Ищите свой материал. — Карабанов вдруг превратился в принципиального наставника. — Держите курс на книгу!

Он встал из-за стола. После скупого напутствия почесал большим пальцем аккуратную морскую бородку и в задумчивости отодвинул шторы:

— Пора, Саша! Пора! В добрый час!

Он разлил водку по граненым стаканам и из тумбочки достал банку соленых огурцов.

Не помню, сколько в тот вечер мы совершили совместных проникновений за шторы. Домой я вернулся под утро, а Карабанов остался в редакции дорабатывать очерк о председателе областного отделения Союза художников.

Луца я встретил на автовокзале. Он был в своем сосредоточенно-пасмурном настроении. Однако наградил меня дружеской улыбкой. По дороге в гостиницу он заявил, что поедет к Люде завтра, ибо устал от тряски в автобусе, хамства таможенников, хочет принять душ, отдохнуть и выспаться. Более того, он вызвался доехать до общежития без моего сопровождения. Я не возражал, наоборот, был доволен, что спокойно допишу статью, которую мне предстояло сдавать в понедельник.

Я простился с Луцем у гостиницы. Через пару дней он обещал мне позвонить и пригласить на пиво. Я побежал на остановку и уже из громыхнувшего дверьми трамвая увидел его, нескладного и худого, все еще стоявшего с нелепым полосатым чемоданом на колесиках у гостиничной вывески.

Через несколько дней мне позвонила... Неделюк. Она всегда пребывала в недобром расположении духа, но в этот раз голос ее сплошь пронизывали гневные интонации.

— Саша, ну кого ты нам привез?! — кричала она в трубку. — Посмотри, какие немцы понаехали в город: породистые, холеные! А это кто? Два метра сухостоя, тростник болотный в тертых джинсах!

— По росту он подходит, — пришлось мне оправдываться. — К тому же, из хорошей семьи.

— Может, и из хорошей, да с дурными манерами, — не унималась Неделюк. — Даже цветы девушке на первом свидании не подарил. Еще и спрашивает, на чем бы вы хотели поехать в центр: на трамвае или такси?

— У них не принято дарить цветы женщине, которую видишь первый раз, — вступился я за Луца.

— А ты бы ему объяснил, что без цветов у нас с женщиной не знакомятся, — напирала Неделюк.

— Таня, вы все это затеяли, а я теперь виноват, — взбесила меня староста. — Радуйтесь, что он вообще приехал.

Но Неделюк меня не слышала.

— Он еще и в Польше работает! И фамилия у него польская! Ну какой же это немец?

Она продолжала награждать Луца нелицеприятными эпитетами, пока я не бросил трубку.

Какого черта я ввязался в эту историю?

Возвращаться к пресному репортажу об открытии нового трамвайного маршрута не хотелось.

Луц мне не позвонил. А я не появился в общежитии после этого разговора.

4

Прошло семнадцать лет. С подругами я не общался. Периодически виделся с Фомой. Он работал дизайнером на мебельной фабрике.

Хтей стал художником по янтарю. В краеведческом музее я долго рассматривал два его изумительных парусника, выполненных по заказу городской администрации.

Чадин иногда мелькал на местном телевидении в новостных программах. Комментировал культурные события, выдвигал проекты обустройства исторической части города.

Я закончил с журналистикой. Поработав в нескольких рекламных фирмах, я основал собственное агентство по производству наружной рекламы и даже накопил на двадцатипятиметровую студию на городской окраине. Но случилось это после того, как я развелся.

С Анастасией я промучился полтора года. Жизнь под диктатом властной женщины с деспотичными замашками Неделюк очень быстро превратилась в ежедневное испытание. Романтические отношения двух влюбленных легкомысленных созданий вытеснила отвратительная семейная грызня. Вечерами я сознательно задерживался на работе. Приходил домой в девятом часу с одной лишь целью — поменьше до отхода ко сну лицеизреть эту истеричную особу, распространившую свою гегемонию на весь периметр съемной квартиры. Анастасия встречала меня в гостиной, победно восседая на диване за семечками и пивом, готовая перейти в наступление, стоило мне изречь что-нибудь, что выходило за рамки ее представлений об идеальном муже.

Во мне ей не нравилось все: прическа, одежда, обувь, привычка читать на ночь, пятничные походы в баню с друзьями. Ее бесил мой рабочий микроавтобус. Она

считала мой верный «Пыж»* ржавой рухлядью на колесах и однажды отказалась в него садиться, что меня сильно обрадовало. Она терпеть не могла ходить со мной в гости к своим «просвещенным» подругам. Впрочем, я сам отказался от этого мутного занятия. Тогда она стала намеренно задерживаться допоздна на женских посиделках, которые нередко заканчивались в ночных клубах. Ее подруги были дамами преимущественно разведенными, занятыми бесконечными поисками спутника жизни.

Дело шло к разводу. Я не решался первым подать заявление в силу слишком правильного воспитания и надежды родителей на внуков, ей же все еще нравилось ошпаривать меня кипятком бессознательного гнева. Она получала от этого удовольствие, которое подпитывала постоянными скандалами. Правда, случалось, Анастасию посещали приступы терпимости к вечернему посетителю ее владений, и она превращалась в мягкое, податливое существо, позволявшее до себя дотронуться.

Наши отношения подытожил некий Валентин. По выражению домохозяйки, он был человеком харизматичным, деловым и перспективным. Ездил на старом «Лексусе», подвозил Анастасию с работы, дарил цветы. Валентин стал ее близким другом, вернувшим «вкус жизни». Об этом она мне сказала, собираясь в гости к подругам, куда был приглашен и Валентин.

— Ничего, посмотришь, как надо относиться к женщине, — говорила Анастасия, активно ретушируя щеки тональным кремом. — Глядишь, и все у нас наладится. Может, поумнеешь.

Вслед за ней я ушел из дома. И не вернулся.

После развода мужчины бросаются в две крайности. Первая — всепоглощающая, порой бестолковая работа с утра до поздней ночи; вторая — затяжные хмельные приключения с темными личностями, зачисленными по понятиям улицы в верные друзья. Я пошел по первому пути, хотя соблазн скатиться по скользкой наклонной плоскости в омут питейного беспредела преследовал меня довольно долго.

Работал я допоздна. Бывало, и по выходным. Наружная реклама — прилипчивое дело, которое поглощает целиком, стоит лишь вникнуть в тонкости рабочего процесса. Не успеешь покончить с одним заказом, тебе несут следующий с пометкой на сопроводительном бланке «сделать завтра к двенадцати».

На второй год после развода я позволил себе снять однокомнатную квартиру в новом доме. Анастасия с Валентином снимали двухкомнатную. Мой уход был для нее полной неожиданностью. Скандаля по вечерам, она и думать не смела, что я способен на столь радикальный поступок. Теперь она «пилила» мозг Валентину.

В редкие выходные я упивался целебной тишиной в своей комнате. Мне даже не мешало сиплое твяканье престарелой дворняжки, жившей надо мной вместе с бабулей-пенсионеркой. Я наконец вернулся к чтению и составил длинный список из книг, отложенных в родительский шкаф до лучших времен. Я воскресил занятия цигуном, а по пятницам мы с приятелями традиционно парились в бане.

Моя комната напоминала петербургское коммунальное жилище на Тамбовской, в котором я провел четыре студенческих года. Стол, диван, шкаф, два стула у стены. Тот же набор дешевой, простецкой мебели для одинокого квартиранта, только в более современном исполнении. И квартирант, равно как и студент-пятикурсник, в том же состоянии житейской неопределенности, только с горьким осадком на душе после развода.

Зато теперь я был свободен. Никто не повышал на меня голос. Порой буянили заказчики и донимало начальство, за сутки исполнявшее с моей помощью каприз-

* «Пыж» — «Пежо» (авт.).

ные желания клиентов. К подобным выкрутасам директора я относился спокойно. Может, это и к лучшему, что из меня не вышло пропитого провинциального очеркиста и вместо ежедневных алкосеансов за шторой, погубивших Карабанова, я довольствовался прохладным пивом по пятницам в компании коллег по рекламному цеху.

5

Встречи со старыми знакомыми всегда происходят неожиданно в непредсказуемых местах.

Неделюк внезапно «нашлась» в банке. К тому времени я обзавелся собственным делом, приличным микроавтобусом, снял небольшой офис и цех. Постепенно круг наших клиентов расширялся, и вот теперь мне предстояла встреча с управляющим банка. На горизонте маячил крупный контракт. Можно было взять на обслуживание солидную организацию.

Управляющий опаздывал. Он вообще не любил вовремя возвращаться с обеда. Я ждал его у приемной в надежде заинтересовать нашим предложением.

Ожидание начальства, рулящего финансовыми потоками, — занятие неприятное и утомительное. Мало того что транжиришь драгоценное рабочее время, так еще маешься в неведении: серьезные намерения у заказчика или тебя пригласили, чтобы подшить в папку очередное коммерческое предложение?

— Вам чай или кофе? — вывел меня из раздумий женский голос. — Зураб Муратович будет через пятнадцать минут, — вновь послышалось из приемной.

— Можно кофе.

Я отложил в сторону эскизы и сметную документацию. В дверях с белой кружкой, помеченной логотипом банка, стояла Неделюк.

— Саша, это — я! Ты не обознался.

Тучным телом она затмила почти весь дверной проем. В облегающей белой блузке с синим корпоративным платком под приподнятым воротником и черной выше колен узкой юбке она смотрелась довольно привлекательно. Ее новый банковский образ дополняли прямоугольные очки в толстой темно-синей оправе и остроносые лакированные туфли на высоком каблуке. Пахло от нее модными, знойными духами.

— Отлично выглядишь, — протянула она мне кружку. — Моложавый, привлекательный.

— Да и ты хороша, — принял я кофе и на шаг отступил от ее массивной, борцовской фигуры.

Неделюк села рядом со мной, закинув ногу на ногу и рискуя по швам распустить крякнущую юбку.

— Делись новостями. Как дела на личном фронте?

— Новостей нет. Давно развелся, — сказал я, впечатленный ее близкими, складчатыми формами.

— Понятно. Работаете воскресным папой, — рассудительно заметила Неделюк. — Мальчик? Девочка?

— Не угадала, — улыбнулся я, почуввав знакомые наступательные нотки. — Радость отцовства меня миновала.

— Значит, стораешь на работе, — приблизилась она к истине. — Решил утопить себя в бизнесе.

Я снова улыбнулся.

— А вы как поживаете? Как Люда?

— У нас...

Неделюк резко поднялась, одернула юбку и быстро поправила прическу. Вскочив с кресла, она глянула на свое отражение в зеркале, висевшем в приемной.

— Тихо, потом поговорим. Гафаров идет!

Неделюк встала у стены, превратившись в источник сплошной сияющей радости. Я последовал ее примеру и присоединился к почетному караулу.

Хороший секретарь узнает шаги босса по звуку каблучков на лестничной клетке. Неделюк это делала блестяще. Было видно, что в банке она работает не первый год и местом своим дорожит.

Гафаров появился в коридоре в сопровождении зама — светловолосой короткостриженной женщины в темно-зеленом костюме. Дама чинно следовала за шефом, неся глянцевый кожаный портфель управляющего.

— Реклама нас продвинет? — спросил Гафаров не без иронии и пригласил меня в кабинет.

— Обязательно, — заверил я управляющего.

Неделюк повесила в шкаф ароматный плащ босса и закрыла за нами дверь.

От Гафарова я вышел ни с чем. Он принял к сведению наше предложение. (Контракт с банком мы заключили в следующем году.)

В субботу мне позвонила Неделюк. Голос ее был полон тревоги.

— Как ты думаешь, зачем я тебя набрала?

— Не знаю, — сказал я, продолжая склеивать фрагмент акриловой буквы. — Обещала рассказать о себе, о Люде.

— Вот именно, Саша. Ты, как всегда, прав. — Она сделала паузу и грустно вздохнула. — Обо мне рассказывать нечего. Твой случай, только радость материнства мне хорошо известна. Очень хорошо, — добавила она. — Тут дело в другом. Надо Люду спасти!

— Что случилось? Заболела? Что-то серьезное? — спросил я, не отрываясь от работы.

— Лучше бы она заболела! — Неделюк замолчала и шмыгнула носом. Потом снова вздохнула.

Похоже, я недооценил масштаба их личной драмы.

— Не пойму тебя, — сказал я раздраженно и отложил букву.

— Что непонятного, Саша? — с новой силой завелась Неделюк. — Бабе пятый десяток, а мужика рядом нет. Чахнет она!

— Только и всего? — вырвалось у меня непроизвольно. — Я-то думал...

— Думал он... А о чем ты думал, когда разводился? — сорвалась она на крик. — Из скромного секретаря она вдруг превратилась в базарную тетку. — Думал, бизнес — это все? Есть деньги — и семьи не надо? — Она призадумалась. — Гафаров тебе нервы еще помотает. Сдашь заказ — оплаты год будешь ждать. Вот посмотришь! — И после паузы, успокаиваясь, закончила: — Может, тебе и хорошо с тупоголовыми клиентами, а ей одной плохо.

— Таня, что ты от меня хочешь? Я вообще-то занят.

— Найди Луца! — взмолилась Неделюк.

Ого, этого я никак не ожидал! У Люды, видно, тоже не сложилось.

— Да сами его найдите! Соцсети вам в помощь!

Я вышел на улицу и закурил.

— Мы его уже нашли, — завершила меня Неделюк. — Тебе нужно только объяснить ситуацию: мол, ждем с повторным визитом! Остальное мы берем на себя.

Я не раз замечал, что деловые мужчины ничего не смыслят в простых житейских вопросах. В быту ими управляют жены или любовницы. Не знаю, чем на профессиональной стезе занимался муж Неделюк, но мне показалось, что он не

выдержал всепоглощающей энергетики сумасбродной женщины. Теперь я сдерживал ее наступление.

Этот бестолковый разговор мне порядком надоел, но из приличия я его продолжил:

— Когда-то, очень давно, вы отвергли нормального парня. После встречи с Людой он мне даже не позвонил. Сейчас вы хотите, чтобы я как ни в чем не бывало снова его пригласил. У него, небось, семья, дети. А вдруг он — молодой дедушка, страшный и дистрофичный? — Я бросил в урну окурки. — Упустили красавчика...

— Да, Саша, все надо делать вовремя, — согласилась Неделюк. — Волос у него больше не стало. Он такой же худой и стройный, но отнюдь не страшный. Вполне достойный европеец, — проинформировала меня Неделюк. — Открой его страницу в Фейсбуке и сам убедишься, что выглядит он неплохо. Многим мужчинам свойственно хорошееть после сорока. К тебе это тоже относится.

Неделюк замолчала, пытаясь понять, готов ли я влезть в новую авантюру.

— Короче, мы на тебя надеемся.

Я сел за компьютер, бросил печальный взгляд на недоделанную букву и открыл Фейсбук.

Луц охотно вступил со мной в переписку. Он жил в Дрездене. Работал в известной страховой компании. В составе тургруппы посетил Петербург и Москву. На деликатный вопрос о семейном положении ответил просто: жениться пока не довелось, холостяцкая жизнь его вполне устраивает. Работой доволен. Такой ответ не стал для меня неожиданностью. На Западе и к сорока не все созревают для семейной жизни.

О Люде у Луца остались приятные впечатления. На предложение приехать к ней в гости еще раз он ответил утвердительно после недельных раздумий, чем ввел Неделюк в состояние эйфории, явно преждевременной.

— Саша, ты — гений! — звенела она мне в ухо на фоне отдаленных Людиных оваций и многократного YES!

6

Луц появился в Калининграде осенью. Судя по быстрому согласию на встречу с Людой, не так-то радостно ему жилось в музейном саксонском городе. По немногочисленным фотографиям на его интернет-странице, сделанным на фоне исторических памятников Дрездена, я пришел к выводу, что он не особо изменился с тех пор, как подруги развернули его с порога общежития. Выглядел Домбровский действительно хорошо. Был абсолютно лыс, поджар, розовощек. Не расставался с круглыми очками, забавно висевшими на длинном приплюснутом носу. Предпочитал короткие плащи и узкие джинсы. Носил деловые туфли, реже позировал в белых кроссовках на яркий носок — дань сегодняшней моде.

На сей раз Луц ехал к подругам в ранге «достойного европейца». Повторное изгнание ему не грозило. Его ждали с распростертыми объятиями, как последнюю надежду в решении затянувшегося личного вопроса Люды.

«Надо купить красивый букет, — подумал я накануне решающей встречи, назначенной в центральном городском парке. — Что-нибудь из экзотики: лилии или орхидеи. А то зайвится с гвоздиками или вообще придет без цветов».

О своем намерении подобрать Люде солидный букет я сообщил Луцу. Он согласился и сказал, что в выборе цветов полностью доверяет моему вкусу.

Лилии я купил в павильоне у нашей заказчицы. Она тактично поинтересовалась, кому предназначен столь весомый букет, а узнав, долго колдовала над его

оформлением. Все это время я терпеливо вдыхал дурманящий запах популярной экзотики.

На улице разум мой просветлел. После второй сигареты вернулись привычные жизненные ощущения. Осталось передать букет Луцу. Насыщая городскую среду обильными потоками приторной сладости, я спешил к главному входу в зоопарк — там мы условились встретиться.

За полчаса до свидания на экране смартфона высветился комичный профиль Луца.

— Друг, извини, я опаздываю, — виновато бубнил он в трубку. — Вчера допоздна писал отчет о командировке в Гданьский филиал нашей компании. Сегодня дописывал. — Луц замолчал и дистанционно высморкался. — Сейчас беру такси и лечу в парк. Пожалуйста, подходи туда. Ты с цветами?

— Через полчаса у тебя встреча с девушкой, с дамой, — поправил я себя, — а ты строчишь отчет. Ты вообще нормальный? — задался я резонным вопросом.

Меньше всего мне хотелось присутствовать на их свидании. «Увертюра к главному действию», как говаривал Карабанов, вновь не сулила ничего хорошего двум одиноким страдальцам. К тому же, я планировал отдать цветы и вернуться в мастерскую. В понедельник нам предстоял сложный монтаж. Нужно было основательно подготовиться к выезду.

Снова пересилив себя, я вызвал такси. Наверняка Люда уже дожидалась избранника в парке, а Неделюк дежурила поодаль в предвкушении волнительного события.

К назначенному времени я опоздал на пять минут. Луц прохаживался у скамейки перед фонтаном, где судьба готовила ему финальное испытание.

— О, какие прекрасные цветы! — просиял Домбровски и беззастенчиво улыбнулся.

Складывалось впечатление, что в парке он торчит далеко не первый час.

Луц сграбастал меня длинными руками и вместе с букетом прижал к твердой плоской груди.

— Рад тебя видеть, — разжал он цепкие объятия и выпустил меня на волю, внимательно осмотрев с головы до ног.

— Взаимно, — безропотно сказал я и вручил ему цветы.

Чутким, подвижным носом Луц проник в гущу раскидистого букета и почему-то отпрянул от цветочного великолепия, испачкав кончик носа желтой пылью.

Я обернулся. Навстречу нам с протянутыми руками, чуть не плача, шла Люда. Вдруг, распахнув пальто, она побежала. Луц смахнул с носа пылью рукавом плаща и, разведя в стороны огромные руки, как крылья, бросился к Люде. Он бежал и в экстазе тряс букетом, будто хотел разметать лилии по грунтовой тропинке.

Они сошлись. Теперь Луц обнимал Люду, но в тысячу раз крепче и пламеннее. Он закружил ее над дорожкой, усыпанной кленовыми листьями, и аккуратно поставил на землю. Его гибкие, крючковатые пальцы, как лапки паука, нервозно бегали по ее клетчатой драповой спине, словно перебирали клавиши рояля. Спессованный букет застрял между ними, но постепенно полз к земле, оставляя тонкие шлейфы пыли на подоле Людиного пальто и голубых джинсах Луца.

Я подобрал лилии и сел на скамейку. «Молодые» держали друг друга в объятиях и о чем-то увлеченно болтали. Похоже, одиночество их добило.

Сцена была трогательной, хоть снимай на камеру. Дурные предчувствия не оправдались. Я выдохнул с удовлетворением и посмотрел на часы. В мастерской лежали неупакованные стенды. Я ждал, когда остывающие эмоции пары улягутся, чтобы в конце концов избавиться от цветов.

Первой из оцепенения вышла Люда. Она застегнула пальто, удостоила меня счастливым взглядом и, взяв под руку, повела Луца к выходу.

— Цветы! — крикнул я им вдогонку, на что Люда, не обернувшись, лишь вальяжно махнула рукой в мою сторону, а Луц огласил окрестности парка победным кличем.

Я всегда считал себя человеком спокойным и миролюбивым, но в тот вечер в отношении навязчивого букета во мне пробудились коварные мысли. Я подумал, что бы такое сделать с цветами, и не заметил, как на скамейку кто-то подсел.

— Не расстраивайтесь. Цветы всегда к радости, — услышал я женский голос.

Рядом со мной невесть откуда возникла аккуратная дама в бирюзовой шляпке с розовым бантом. Было в ее чуть сдвинутом набок головном уборе что-то из моды восьмидесятых, когда осенью ходить с непокрытой головой отваживались немногие. Полупальто горчичного цвета и коричневая без изысков сумочка с крупным золотистым замком вполне соответствовали среднему возрасту незнакомки.

— Приятно видеть счастливых людей, — прошептала женщина и с завистью посмотрела вслед удаляющейся паре. — Тем более если их счастье проверено годами.

— Чье счастье? — в недоумении спросил я.

Дама в шляпке придвинулась ко мне.

— Люды и Луца.

Миниатюрной рукой в бордовой замшевой перчатке она проникла в сумку и вытянула оттуда, будто из сейфа, заранее приготовленную фотографию.

На ярком глянцевого снимке Люда в эффектном свадебном платье стояла в обнимку с Луцем на ступенях готического собора. Проникшись торжеством исторического момента, Домбровски выглядел показательно серьезным. Люда же светилась от радости, уткнув блестящие алые губы в остатки рыжеватого бакенбарда молодожена.

— У них и потомство имеется? — спросил я, пытаясь сдержать прилив внезапного хохота.

Я отвернулся от бирюзовой шляпки и интеллигентно «закатился» в кулак, содрогнувшись всем телом так, что завибрировала скамейка.

— У них сын — Клаус, — представила члена семьи незнакомка. Мальчику четырнадцатый год. Занимается баскетболом. Подает надежды. Я зову его Колей.

В кармане куртки я нашел платок и протер влажные глаза. «Это же надо было так попасться: в парковой постановке отлично сыграть роль, отведенную мне Неделюк. Ей бы не в банке работать, а писать любовные пьесы для ведущих театров!»

Я вновь разразился хохотом.

«Ну да, Люда ведь чахнет», — вспомнились мне роковые слова Неделюк.

На этот раз я смеялся открыто, глядя в большие раскосые глаза незнакомки. Именно ей, по сценарию Неделюк, мне предстояло вручить многострадальный букет. На другой поступок в этой ситуации я был просто неспособен.

— Простите, меня сегодня потряхивает, — виновато покосился я на осторожную дамочку. — Это скоро пройдет.

Я взял себя в руки и спросил:

— Вас как зовут?

— Виолетта, — ответила она гордо, сделав акцент на двойном «т» в конце своего необычного имени, имевшего приятный фиалковый оттенок.

Не представившись, я протянул ей цветы.

— Спасибо, Саша! Замечательные лилии. Обожаю этот аромат. Глубокий, обволакивающий.

Виолетта поставила сумку на скамейку и прижала лилии к груди.

— Люда мне о вас часто рассказывала. В городе я недавно. Приехала в Калининград из Вентспилса. Работаю в школе. В разводе. Детей нет.

Чудеса продолжались. Я призадумался и сказал:

— Ну вы в курсе моего семейного положения.

— Ага. — Виолетта придвинулась еще ближе. — Мне импонирует ваша открытость, а больше всего — готовность прийти на помощь близким людям. Сегодня в этом убедилась. — Ее припухшее простое лицо озарилось доверительной улыбкой. — Вы же сейчас свободны?

На этот вопрос можно было дать только один ответ. Утвердительный.

Через полгода мы расписались. Пышных торжеств не устраивали. Свадьбу отметили в тесном семейном кругу. Пригласили близких друзей. Люда и Луц прислали поздравительную видеозапись. От Неделюк приехал курьер с вазоном красных бархатных роз.

В жизни чаще случается то, к чему не готовишься. Радость и горести приходят неожиданно. Последние годы я жил на отбой, дневал и ночевал в офисе и мастерской. Главными событиями будней и выходных стали плановые сдачи заказов. Я давно уже изваял себе маску самодостаточного человека, погруженного в мир собственных вымыслов о работе и о семье. Но, видимо, чего-то я не учел.

Виолетта принесла в дом тепло и спокойствие. Она боролась с моими причудами улыбкой и убеждением: в корректной форме отучила от дурацкой привычки сморкаться в банное полотенце и долго смеялась (приблизительно так, как я тогда в парке), найдя в кладовке пакет с моими носками, которых без дырок набралось лишь три пары.

Очень скоро я понял, что брак — компромисс интересов, вкусов, противоположных желаний. Благодаря осознанию этой простой истины наш союз оказался таким крепким и стойким, как тот букет лилий в смятом целлофане, подобранный мной с парковой дорожки.

...На годовщину совместной жизни я получил от Люды короткую эсэмэску: «3:1». «В мою пользу», — написал я в ответ и подумал, что Луц попал в хорошие руки.

СИЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Свету я встретил в Санкт-Петербурге в сентябре девяносто второго. Я учился в университете, оканчивал журфак. Параллельно общался с художниками с Невского проспекта. Питер тогда бурлил. Кинофестивали, шумные выставки в Эрмитаже, толпы западных туристов. На Невском уличная арт-богема с лубочными поделками на продажу. Кругом несостоявшиеся Сальвадоры Дали из коммуналок и спальных районов, а музыканты почти все Гребенщиковы.

Я был студентом из обоймы попроще. Я тогда только выпитывал причудливые миры Кандинского и супрематизм Малевича, встречался с коллекционерами и художниками, шагнувшими из квартирного андеграунда в городские выставочные залы и галереи Западной Европы: Овчинников, Галецкий, Зубков... Размах свободы самовыражения тогда опьянял, «толстые» журналы зачитывались до дыр, очереди на выставки в Русский музей оканчивались на улице. Я сам экспериментировал

с холстом, на ватмане разливал абстрактные акварельные реки, допоздна читал Набокова. Весь этот страстный процесс познания искусства и еще недавно запрещенных литературных идей смешивался с полуголодной студенческой жизнью, устроенной гайдаровскими младореформаторами.

Я снимал комнату в коммуналке на Обводном канале, в трех остановках от площади Восстания. Это было место для обитания, но не для жизни. Такая холодная, полутемная резервация для людей, при жизни ушедших в безвременье. Я сносно существовал в этом грубом зверинце. Меня грели неизведанные миры любви и искусства.

Со Светой я познакомился в Эрмитаже на выставке картин Бернара Бюффе. Она стояла перед огромным холстом из серии «Птицы». С картины совиным взглядом смотрело хищное двукрылое существо, а рядом, раскинув ноги, лежала тощая угловатая женщина.

— Весьма конъюнктурно, — сказала Света после долгих раздумий.

— Возможно, — проронил я, не подумав.

— А что вы скажете об этой женщине? — спросила Света, не отводя глаз от картины. Я сказал, что манера ее исполнения меня совершенно не трогает.

— Э, нет, — возразила Света, — она написана очень забавно и, главное — удачно расположена. Куда вы, кстати, сейчас идете?

Мы пошли в Александровский сад. Так, с разногласия, у нас началось что-то вроде дружеских отношений, в которых взаимопонимание было большой редкостью. Доходило до того, что на набережной, у главного университетского корпуса, мы делали вид, что не замечаем друг друга. Однако всегда наступало примирение, и начиналось оно с того, что мы разбирали на части наши упрямые характеры.

— Для тебя не существует мнения другого человека, — спокойно, без эмоций говорила Света. — Ты важен сам для себя. Ты — пишущий эгоцентрик.

Подобные замечания она любила высказывать в домашней обстановке за чашкой ароматного кофе. После долгого помешивания она обязательно обсасывала ложечку.

Мы часто встречались по вечерам. Мне нравилось, что она звонила мне неожиданно и второпях приглашала на концерт, до которого оставалось меньше часа. Я бросал дела, быстро надевал парадный пиджак и выбегал на Лиговский, помня про нечищенные ботинки. Я мчался в метро, толком не зная, на какой концерт приглашен. На подступах к филармонии я знакомился с концертной программой и допускал, что не каждый соглашался с ней слушать песни народов Кавказа.

На концертах Света была очень серьезна. Мимикой она отмечала достоинства или недостатки музыкантов и вокалистов. Но аплодировала она всегда. И если я сидел, засунув руки в карманы, она искоса посматривала на меня, упрекая в зрительском эгоизме.

После концертов Света быстро приходила в себя и становилась разговорчивой. Увлеченная какой-нибудь темой, она могла невзначай коснуться рукой моего плеча или задеть мою щеку волосами. Это был ее стиль общения.

За полгода учебы в лондонском университете Света доработала свой образ. Однажды она пришла ко мне в бордовом пиджаке и широких бордовых брюках. Она сняла туфли на пробковой платформе, влезла в драные тапки и прошла в комнату с сумочкой-чемоданчиком, при виде которой мне чуть не стало плохо.

Она заявила, что после поездки в Англию у нее появилось много идей, в частности она захотела открыть свою лингвистическую школу. Я засомневался в скорой реализации этого проекта и был обвинен в пессимизме и «обводной» провинциальности.

Впервые я услышал нарекания в адрес своей замкнутой жизни. Я молча сносил ее издевки и ловил себя на мысли, что мне хочется ее поцеловать. Она не была красивой, скорее — обыкновенной.

Она предпочитала мальчишеские стрижки, имевшие в разное время несколько разновидностей. То она оголяла себе затылок, то оставляла на нем мелкую поросль, то придумывала слипшиеся, сосульчатые бакенбарды, то стриглась бобриком, отчетливо же торчащие волосы казались мокрыми. Из Англии она вернулась с двухцветной головой: затылок светло-желтый, цвет морского песка, все остальное — цвет какао.

В ее маленьком ухе возникли три металлических сережки. Она стала исповедовать деловой стиль одежды. На ней появились объемные пиджаки, висящие как на манекене, расклешенные брюки, тупоносые туфли. В обстановке «обводной» коммуналки ее отточенный, надушенный облик шокировал аккуратностью.

Мою нелюбовь к пиджакам и галстукам Света объясняла моим неопределенным положением в обществе, не требовавшим, по ее выражению, репрезентативности.

— Это у тебя возрастное, — говорила она, скептически осматривая мой за-тасканный гардероб. — Альтернативный стиль хорош до определенного момента. Так в искусстве: сначала — баловство, авангард, а потом создаются произведения.

Если это сравнение я оставил незамеченным, то молчать, выслушивая упреки в педантизме, несвойственном, по ее мнению, художникам, я уже не мог. Педантом я был потому, что мой письменный стол, видите ли, своей незагроможденностью не отвечал ее представлениям о свободе творчества.

Идеальным художником Света считала человека модного, немного расхлябанного, общительного, подвижного, курящего хорошие сигареты, внимающего женским советам и, главное, отдающего себя беспрекословно и целиком порывам души. В ее теории это и было выражением внутренней свободы. Света полагала, что художник не должен преодолевать себя, а должен исполнять все прихоти души и тела ради самопознания. Способен на это только внутренне свободный человек.

Я почти уверен, что этих мыслей она набралась из романов Лимонова. Забыв о любви к Гессе и Набокову, она долго восхищалась «сверхактивностью» и наступательностью лимоновского героя. А сам автор приятно удивил ее выступлениями в коммунистической прессе и участием в беспорядках на улицах Москвы.

Я пытался разрушить ее теорию, ставя в пример художника, вознамерившегося убить человека, а после всем рассказать, как он это делал и что при этом испытывал.

— В этом случае он виновен перед законом, перед Богом, перед кем угодно, но только не перед нами, — парировала Света. — Если он готов принять адские муки ради выражения истины, добытой преступным путем, ради поисков и заблуждений, пусть только описанных гениально, не наше дело винить его в преступлении. Наше дело — прочесть и сказать: это гениальная правда или гениальная ложь!

Таким образом, в ее теории не находилось места бездарным художникам-убийцам. Людей, чей криминальный дар превышал художественный, Света без сожаления отправляла в тюрьму, при этом добавляла, что заключение — еще один метод самопознания, которого лишены многие художники на свободе. Это уже подмывало фундамент ее теории. В таком случае художник, распираемый порывами внутренней свободы, может развить свои таланты только в неполноценном обществе — там легче угодить за решетку. И для этого не надо убивать и насиловать.

Мое творчество, с точки зрения Светы, по своей природе было глубоко несвободным.

— Тебе не хватает мощной идеи, — рассуждала Света за сигаретой. — Ты описываешь, но не создаешь. В твоих рассказах много лирики и совсем нет философии. Ты пытаешься размышлять через описание своих состояний. Возможно, через это ты придешь к философской лиричности, но вряд ли это современно.

Чтобы подхватить стержневую идею, Света предлагала мне совершить серьезный поступок. Наиболее простым выходом она считала изменение места жительства. Оказывается, Обводный канал был непригоден для творческой мастерской. По его загаженным набережным не бродили-де призраки фундаментальных идей.

— Энергетика этого места чрезвычайно низка, — уверяла меня Света, стоя у кухонного окна, за которым шумели машины. — В названии «Обводный канал» есть что-то побочное, вспомогательное. Изначально его задумывали обслуживающей артерией города. Поэтому живут и работают здесь заземленные люди. Тебе нужно передвинуться поближе к историческому центру или вообще уехать из города на год-два.

По возвращении из Лондона Света была убеждена, что мне срочно нужно ехать на Запад.

— Только там существует нормальная атмосфера для творчества. Бедность там не унижительное состояние, а богатство — не оголтелая роскошь. От этого искусство и литература там феномен не общественный, а личный, внутренний. Они причина самих себя, и интересует их только собственная история, настоящее и свое будущее.

Я не возражал ей. После лондонского семестра любой контрдовод Света расценивала как умышленную конфронтацию. Однажды я перестал слушать ее рассуждения о литературе и рассказы об Англии, я делал вид, что согласен со всеми ее мыслями и замечаниями в свой адрес. Сначала это ей нравилось — не каждый может так просто предоставить возможность расправляться со своим миром. Но вдруг мое безразличие стало ее раздражать.

— Почему ты молчишь?! Скажи хотя бы, что я неправа! — возмущалась Света.

— Извини, я тебя не слушал. Я думал о своем, — сказал я ей честно.

И она не обиделась. После этого случая мы даже стали чаще встречаться. Если бы не очередное потепление в наших отношениях, я бы вряд ли пошел на день рождения ее подруги. Я не люблю ходить туда, где никого не знаю.

На приглашение Лены откликнулись ухоженные студенты и молодые работники коммерческих фирм. Было много цветов и вина. Преобладали пиджаки в мелкую клетку и короткие юбки. В укромных точках квартиры курили Marlboro и Camel. Велись беседы о роскошных поездках в Европу, дорогих покупках и престижной работе. Минут сорок длился разговор о принцессе Диане и мужиковатом, по мнению собравшихся, принце Чарльзе. Света охотно рассказывала об интригах британского королевского дома, отвечала на вопросы о национальном характере англичан. Ее ответы устраивали разгулявшихся гостей до тех пор, пока расчесанный на пробор студент восточного факультета вежливо не поинтересовался: а есть ли разница в определениях «британский» и «английский»? В период распада тоталитарных государств большинство считало, что определение «британский» неприменимо к государствам, граничащим с Англией.

— Я разговаривала с одним ирландским журналистом, — вступила в спор Лена, — так вот, он за то, чтобы по отношению к Ирландии сначала употреблялось определение «ирландский», а потом уже «британский», если оно вообще подходит к Ирландии. Англичане и ирландцы — два разных народа!

— Не уверена, — возражала Света, — исторически они, может, и разные. Но современность у них единая. В Европе скоро не будет деления государств по национальному и языковому признаку. Уже сейчас почти нет разницы, например, между немцем и голландцем, между итальянцем и испанцем. Мир достиг глубокой интеграции. Языковой барьер в межнациональной культуре, а тем более — истории, интересует разве только лингвистов и туристов. Поэтому, если экономически оправдан протекторат Англии над Ирландией, значит, это нормально, так и должно быть. И, кстати, многие ирландцы за это.

— Однако Ирландская Народная Армия против, — не унималась Лена.

— Во-первых, терроризм не метод решения конфликтов, — быстро нашлась Света, — а, во-вторых, армия, как бы она ни называлась, не выражает интересов всего народа. В ирландской армии хватает преступников, религиозных фанатиков и просто желающих заработать на раздувании национальной вражды.

Этот спор утих почти в полночь. Каждый из спорящих остался при своем мнении и, кажется, не испытывал неприязни к оппоненту. Все тот же студент-восточник (случайный разжигатель спора) вспомнил про Лену и предложил в последний раз выпить за ее здоровье. На улице наша пестрая группа разошлась в разных направлениях. Кое-кто уехал на машинах, забыв картинно проститься с теми, кто заспешил в метро.

В вагоне расслабленная Света то и дело роняла голову на мое плечо. После трех попыток вернуть себя в вертикальное положение она привалилась ко мне окончательно. Волосы ее приятно пахли. В столь быстром ее успокоении были виноваты фруктовые ликеры, которых на дне рождения было пять разновидностей. В своем нормальном деловом состоянии Света удостаивала меня скользящими прикосновениями лишь в случаях демонстрации каких-либо примеров. Так, она дотронулась губами до моего носа, чтобы я почувствовал клубничный запах ее бесцветной помады, купленной в Англии. А однажды она провела ладонью по моим ягодицам, утверждая, что с такой комплекцией мне нечего бояться появления лишнего веса. Все эти демонстрационные прикосновения не трогали меня совершенно — я знал, что потребности любить Света не испытывала. Она нуждалась в человеке, подвластном ее нравоучительным воздействиям.

После приезда из Англии дружеских разговоров за бутылочкой ей стало не хватать. Ей понадобились серьезные назидательные беседы, переходящие в жестокие споры. В них она начисто разбила своих друзей и подруг. Ее знакомые оказались людьми мелкого калибра: без глубоких идей, без знания языков, без желания слушать ее советы. Обеспеченное мещанство Свету не устраивало. Деньги для нее имели чисто деловое значение. Она бредила идеей открытия своей лингвистической школы.

В ночном метро я лишний раз убедился в том, как сильно к ней привязан, к ней, избравшей меня предметом своей интенсивной критики. При этом я испытывал к Свете чувство, стоящее между дружбой и любовью. Иногда оно выражалось в достаточно резкой необходимости присутствия рядом с ней. В этом чувстве был минимум физического влечения. Ее физиология была мне чужда, как, впрочем, и моя — ей. Мне не нравилось ее бледное, как будто малокровное лицо. К тому же она пользовалась бесцветной помадой, что в применении к ее бесцветным губам было абсолютно неверно. До лондонского периода жизни Света красилась обычной помадой, преимущественно темных цветов. Отпечатки напмаженных губ она оставляла на чашках из-под кофе, выпитого у меня на Обводном.

Я проводил Свету до подъезда. Уставшая от людей и ликеров, она молчала всю дорогу. В фойе метро, заметив, что ночь была очень светлой (стоял июль), она неожиданно сказала: — А хорошо сейчас в Летнем саду!

За время нашего знакомства это было ее единственное лирическое отступление.

Из Англии я получил от Светы два письма, написанные в официально-деловом стиле. В конце второго письма она признавалась, что ей легче писать по-английски, но пишет она по-русски, дабы, цитирую, «вести разговор на равных». (Мой английский она критиковала беспощадно.) По двум письмам у меня сложилось слабое представление о ее британской жизни. Ее новым увлечением стало кино. Она познакомилась с молодым режиссером, предложившим ей роль в короткометражном фильме. Не исключено, что мечту об открытии лингвистической школы в ней вытеснила мысль о карьере киноактрисы.

В моей комнате Света оставила две вещи. Она забыла какой-то роман Лимонова с карандашными пометками на полях и шелковый шарф, который при переезде с Обводного канала я отдал соседке-пенсионерке.

2

Университет я окончил в девяносто третьем. Полгода проучился в Гамбурге в университетской лингвотеке (учил немецкий), пару месяцев провел в Берлине в яркой художественной массе из восточной части столицы.

Потом настали другие времена. От студенческих лет остались воспоминания, а родной факультет и Обводный канал иногда заплывали в мои сны в самых неожиданных и абсурдных вариациях.

Я жил в Калининграде. Два раза женился, два раза развелся. Работал в местных газетах, сотрудничал с рекламными агентствами. Искусство улетучилось из моей жизни вместе с сочными питерскими персонажами. Папки с абстрактными акварелями и рассказами лежали в гараже среди пластов вещественного хлама, которому дома нет места, а в гараже всегда найдется.

После окончания университета я был в Питере два раза. Последний раз в позапрошлом году. Месяц назад мне на фэйсбук написал Третьяков. Он решил собрать наш курс спустя двадцать лет после выпуска. Из переписки в соцсетях следовало, что около двадцати выпускников и соберутся.

Встреча была назначена в кафе на пятой линии. До визита на Васильевский я побывал на факультете. От его старого облика, воняющих на весь коридор туалетов не осталось и следа. В аудиториях было чисто. В буфете подавали приличный кофе. Вот только студенты производили впечатление посторонних личностей, которых сюда занесло по острой необходимости.

С Третьяковым я столкнулся на улице, у входа в кафе. Как и подобает организатору, он встречал гостей на крыльце. Изменился он незначительно. Был таким же деятельным и разговорчивым. Взгляд его стал серьезным и осмысленным. Третьяков «вырос» до вице-президента крупной инвестиционной компании. Свой жизненный статус он подчеркивал сдержанным приветствием однокурсников.

Из тех, кто приехал на встречу, по профессии работали лишь трое: я, Арсеньев и Мазин, засевавший на долгие годы в гатчинской многотиражке. У остальных судьбы сложились по-разному. Грубовеков и Самохин ушли в монастырь. Игнатьева вышла замуж за немца из секты Муна и пропала в Южной Корее. Недорезова застрелили в купчинских новостройках. Волынский осел в Израиле и избрался в Кнессет. Жирова эмигрировала во Францию. Байрамов вернулся в Азербайджан, основал фермерское хозяйство и продавал овощи в Россию.

На вечере я встретил Лену. Когда-то она тесно общалась со Светой, а ныне была женой Андрея Белова. Для меня их жизненный союз стал полной неожиданностью. Но чего только в жизни не бывает...

С Андреем мы часто сидели рядом на лекциях. Одно время мы даже симпатизировали друг другу. Он работал в «Смене», я начинал строчить заметки в «Вечерний Петербург». Иногда мы заходили в кафе на Невском на капучино и круассаны. Тогда их только принесло с Запада и народ валом валил на импортную выпечку, не жалея никаких денег. Брали мы и турноверы. Мы не сразу догадались, что это название новомодные кондитеры внедрили в русский от английского *to turn over**.

* *To turn over* — переворачивать.

Андрей работал в строительной компании начальником отдела комплектации. Где он познакомился с Леной, я не спросил. Да это было и не важно. Я же, глядя на нее, поначалу засомневался: она ли это? Андрей быстро понял, что мы с Леной были знакомы. Это его приятно удивило, и он оставил нас в кафе у стойки бара, а сам вышел на улицу на подмогу Третьякову. Собственно, для разговора у нас была только одна тема.

— Помнишь Свету? — начала Лена несколько неуверенно. Возможно, она решила, что спустя столько лет разговор о ней мне будет неинтересен. — Ну ты с ней одно время общался.

— Конечно помню. А что?

— Ты знаешь, чем она сейчас занимается?

— Я не видел ее двадцать лет.

— Она торгует овощами в магазине на Лиговском, недалеко от Обводного. — Лена взглянула на меня вопросительно. — Тебя это удивляет?

— Как тебе сказать...

Честно говоря, я не ожидал такой новости. Мне проще было поверить в то, что передо мной стоит жена Андрея, чудесным образом встретившая его на питерских просторах. Свету в образе продавщицы я как-то слабо представлял. Она была слишком сильной личностью, чтобы так низко пасть.

— Ты помнишь, наверное, что она уехала в Лондон, — продолжала Лена. — Оттуда она часто мне писала. У нее шло все хорошо до тех пор, пока она не окончила университет. Работу в Англии она не нашла. Зато познакомилась с режиссером, который снял ее в рекламном ролике. Она была так счастлива, думала, скоро дойдет до высот киноактрисы. Но это был временный успех. Отношения с режиссером закончились. Он и сам, как я поняла, был из приезжих. В конце концов она вернулась домой. Сделала дурацкую стрижку. Психовала по поводу и без. Она не представляла жизни без Англии. В Питере ее все раздражало. Люди бесили, каналы воняли. Пару раз мы крепко поцапались. Потом она еще сделала несколько попыток закрепиться в Англии, но безрезультатно.

Гости постепенно заполняли зал. На мрачном «Хаммере» подкатил Кучеренко, Третьяков беседовал с импозантным Байрамовым. В дверях показался располневший Шалаев — староста курса. За ним возник худощавый Мазин. Он был навеселе.

Времени на посторонние разговоры у нас почти не осталось. Вскоре должно было начаться застолье.

— А тебе она писала? — спросила Лена.

— Я получил от нее пару писем. И что было дальше?

— Мы перестали общаться. Потом я случайно встретила ее мать. Она дала мне телефон Светы. Просила обязательно позвонить.

Далее из рассказа Лены я узнал, что в Питере Свете пришлось довольно несладко. На открытие собственной лингвистической школы требовались деньги. Их у нее не было. Кредитной системы тогда не существовало, а в «финансовые пирамиды» нужно было что-то вложить, чтобы извлечь дивиденды.

Она перебивалась репетиторскими занятиями. Потом устроилась переводчиком в совместное предприятие. Оттуда ее быстро вышибли дети местной деловой знати. Но она не отчаивалась. Забросила английский, устроилась менеджером в фирму по производству стеклопакетов, поработала продавцом в книжном магазине, консультантом в мебельном салоне, где познакомилась с будущим мужем.

Брак ее быстро развалился. Муж продавал дорогую финскую мебель. Бизнес его шел в гору, появились накопления. Он купил дорогую иномарку и его понесло: пьянки, женщины, разборки с милицией, братками, женой... В одну из таких ссор

он ударил Свету стулом из новой коллекции. Разбил ей лицо, выбил зуб. Лена несколько раз навещала Свету в больнице. На этом контакты подруг обрываются.

Из рассказов знакомых Лене стало известно, что после выздоровления Свету каким-то образом занесло на службу в милицию. Она стала жесткой и решительной. (Впрочем, такой она была всегда.) Она ошибочно поверила во всемогущество своего мундира, натворила непотребных дел на службе и была уволена из органов по причине превышения должностных полномочий.

Вечер закончился в первом часу ночи. Все остались довольны организацией торжества. Чувствовалось, что Третьяков — специалист по проведению массовых мероприятий. С работы он пригнал два микроавтобуса, чтобы развести приезжих по гостиницам. Мазину он устроил трансфер до Гатчины. (Вторую часть вечеринки Мазин проспал в обнимку с подушкой на диване у барной стойки.) На прощание Шалаев раздал всем фотографии курса, снятые в день выпуска у Дома журналиста. Байрамов презентовал тепличные помидоры. Жирова пригласила всех в Марсель, а я по-скромному — к себе на Балтику.

— Может, ты завтра к ней съездишь? — спросила Лена, садясь в такси. — Это угловой магазин на Лиговке рядом с Предтеченским мостом.

— Я, кажется, знаю, что это за магазин.

Я пожал руку Андрею, и Третьяков подтолкнул меня к двери микроавтобуса, откуда слышался храп Мазина.

Есть люди, которым фатально не везет. Есть те, чьи желания со временем сужаются до стандартных жизненных потребностей: съездить в очередной отпуск, купить что-нибудь очень нужное, выспаться, наконец. Или вот еще. К полтиннику здоров, не развелся, есть дети, и уже хорошо. О том, чего когда-то хотел добиться, и вспомнить страшно. А если вспоминаешь, то в оправдание собственного бесилия говоришь: «Ну это же было заведомо невозможно».

Не знаю, чем объяснить «падение» Светы. Фатализмом или заоблачным уровнем поставленных задач? А может, причина крылась в ней самой? Я не собирался задавать ей трудных вопросов. Меня тянуло увидеть ту Свету, с которой мы вместе ходили на выставки, долго и жарко дискутировали в белые ночи на интересные темы, а когда она покидала мой «склеп» на Обводном, мне почему-то ее не хватало.

Овощной магазин сменил вывеску. Теперь это были в духе времени объемные буквы с внутренней подсветкой. К буквам пристыковывалась плетеная корзина с помидорами и огурцами. Контуры овощей подсвечивались гибким светодиодным шнуром.

Помню, когда-то сюда завезли ананасы и кокосы. Потом пошли «пластмассовые» испанские помидоры и гигантские голландские яблоки. Народ с Лиговки толпился вокруг лотков с заморскими плодами и в уме обреченно конвертировал гайдаровскую валюту на помидоры. Обычно я выходил из магазина с яблоком и помидором. Если везло, брал еще грушу, а сладкий запах подбродившего ананаса преследовал меня до дома.

В магазине было два человека. Пожилой мужчина в кепке и женщина средних лет с сумкой на колесиках — обычные обитатели Лиговки и смежных переулков. Но не они меня сейчас интересовали. Я бросил взгляд на продавцов. Их было два. Две женщины за сорок стояли за кассами в разных концах зала и ковырялись

в телефонах. Светы среди них не было. В центре зала громоздились стеллажи с овощами и фруктами, вдоль стены тянулись полки с соками и водой.

Автобус в аэропорт отправлялся через два часа. Я решил купить фруктов в дорогу и пройтись к дому на Тамбовской, в котором провел четыре счастливых студенческих года. Я набрал в пакет мандаринов, взял два яблока и грушу. У кассы еще раз взглянул на хмурую продавщицу в свитере с растянутым горлышком и невольно отступил назад. В полном недоумении, с пакетом в руках я смотрел на три сережки-гвоздика, которые и по прошествии двадцати лет тускло блестели в левом ухе Светы. Я стал нервозно искать визуальное сходство ее нынешней с той веселой, задиристой девушкой и, не находя его, все же осознавал, что это она и есть. Это ее потертое временем существо стояло передо мной и назидательно твердило:

— Так, ставьте пакет на весы! Не задерживайте очередь!

Я вверил ей пакеты. Да, это была она. Голос ее отдавал неприятным металлическим скрежетом, но интонации были мне знакомы.

— Нал? Безнал? — машинально спросила Света.

Я достал из бумажника карту и засунул ее в терминал. Глядя в несвежее лицо продавщицы, я все еще пытался найти в ней черты, принадлежащие Свете. Но ни рыхлый овал лица, ни зачесанные назад редкие сальные волосы, стянутые в жидкий хвост резинкой, ни глубокие борозды на лбу, ни по-рыбьи грузные красно-оранжевые губы не выдавали ее близкого присутствия.

— Так, забираем пакеты! Следующий! — скомандовала Света.

Я сложил покупки в рюкзак и отошел к центру зала. Оттуда я смотрел на нее, тщетно пытаясь понять, как так вышло, что она изменилась до неузнаваемости.

Рассчитав двух покупателей, Света поняла, что я за ней наблюдаю и не собираюсь уходить.

— Так, ну что смотрим? — бросила она в мою сторону, не отходя от прилавка. — Еще что-нибудь?

Похоже, она меня не узнала. Я вновь подошел к ней.

— Ты меня помнишь?

— Почему я должна тебя помнить? — спросила Света. — Тут таких, как ты, сотни. И десятки воруют.

Она посмотрела на мой рюкзак. Взгляд ее был настойчив и подозрителен.

— Показать? — спросил я, почуввав неладное.

— Не надо. Давай дуй отсюда, пока я добрая, — помиловала меня Света и взялась за следующего покупателя.

Я закинул рюкзак на плечо. У выхода на пробковой доске висели нечеткие принтерные «портреты» неких темных личностей. Над ними была приколата распечатка: они пойманы на воровстве в нашей торговой сети.

Я вышел на улицу. Лиговский гудел. Громыхали трамваи. В магазине буянила Света. Было ветрено, по-февральски сыро и неуютно, примерно так, как двадцать лет назад, когда я вышел из этого магазина и голодный побрел домой, преследуемый запахом переспелого ананаса.

